

Эмпирическая феноменология

LIBERMAN K. (2013). MORE STUDIES IN ETHNOMETHODOLOGY / FOREWORD BY H. GARFINKEL. ALBANY: SUNY PRESS. 300 P. ISBN 978-1-4384-4619-6

Светлана Баньковская

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ

Адрес для корреспонденции: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
Email: sbankovskaya@gmail.com

Название книги Кена Либермана — одного из самых известных учеников «отца-основателя» этнометодологии Гарольда Гарфинкеля — говорит само за себя: это продолжение исследований в русле этнометодологического проекта более чем сорокалетней давности, написанное не без участия самого мэтра, можно сказать — «в уникальном соавторстве». В основании этого текста, задуманного как учебник, лежит наиболее подробный конспект семинаров Гарфинкеля тридцатилетней давности в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, в дальнейшем переработанный Либерманом для собственных курсов по этнометодологии в университете Орегона и дополненный его собственными дидактическими находками и экспериментальными иллюстрациями.

Но «учебник» у этнометодологов не может быть простым дидактическим преподнесением истин и суждений о социальном порядке: в отличие от конвенциональной социологии, этнометодологи не считают, что текст как таковой может кого-нибудь чему-нибудь научить, так же как и произведенные в результате студенческие отчетные эссе вряд ли достоверно свидетельствуют о полученных навыках. Тем более что, как признается Либерман, «списывание на тестировании и эпидемия плагиата среди студентов» (р. 1) заставили его вернуться к опыту своего учителя — Гарфинкеля — оценивать успехи студентов по их исследованиям, погружая их в повседневную исследовательскую практику и заставляя постигать этнометодологические принципы (или самим приходиться к формулировке этих принципов) непосредственно через исследование самых обыденных вещей.

«Сотрудничество» — самое верное слово для характеристики работы, результаты которой перед нами: Либерман выступает здесь и в роли ученика, постоянно сверяющего свои формулировки и описания с учителем — Гарфинкелем, и в роли учителя своих студентов, которые нередко удивляли их обоих своими находками.

Итак, книга была задумана как собрание исследований «этнометодологической школы этнометодологии», что предполагает радикальный критицизм в отноше-

© Баньковская С. П., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

нии эмпирически неочевидных теоретических обобщений и неприятие «рутинизированных», затверженных раз и навсегда истин. Каждая ее страница проникнута пиететом к Гарфинкелю, содержит его идеи и оценки, отсылает к его высказываниям и исследованиям разных лет. В этом же стиле Либерман развенчивает некоторые популярные мифы об этнометодологии (нередко поддерживаемые самими этнометодологами) — например, о несовместимости этнометодологического «радикального эмпиризма» с теорией и тем более — философией. Действительно, и сам Гарфинкель неоднократно провоцировал эти антитеоретические настроения, грозясь «убить любого, кто придет к нему с теорией, а теорию сжечь публично», однако было бы большим заблуждением полагать, пишет Либерман (и трудно с ним не согласиться в этом), что этнометодология, ее «старая школа» в лице Гарфинкеля, вообще не интересуется теорией, более конкретно — феноменологией. Вопреки многим этнометодологам, чересчур буквально (и наивно) трактующим пренебрежение мэтром теорией, или его «отход» от теории и феноменологии в поздних работах¹, Либерман всячески подчеркивает приверженность учителя и всей этнометодологической школы феноменологической традиции и даже помещает его в ряду последователей Гуссерля, вслед за Шюцем и Гурвичем.

Исследования, собранные в этом томе, Либерман часто называет и феноменологическими (или этнометодологическими). Все они представляют собой исследования повседневности, «естественного сотрудничества людей в практических делах»; и даже не исследования в привычном смысле слова, а скорее, расследования (на такой методологии настаивал еще Р. Парк), стремящиеся к максимально детальным описаниям феноменов повседневности, более того — к фиксации этих деталей *in vivo*, в процессе появления и протекания, без поспешных теоретических типизаций.

Проясняя отношение этнометодологических исследований к теории (опять же со ссылкой на Гарфинкеля), Либерман подчеркивает, что дело здесь «не в том, чтобы отвергать вообще любые понятия *per se*, но в том, чтобы избавиться от методологической привычки заменять любые повседневные действия понятиями» (р. 6). Именно этого — сведения человеческой деятельности к понятиям — и следует избегать в социальном исследовании, именно этому — как скрыть живой мир за ширмой общих понятий, произведенных профессиональным теоретизированием, — и учат студентов. Парадоксально, но, по мнению Либермана, более слабые в теории студенты имеют больше шансов достичь адекватных детальным описаниям исследуемого объекта, нежели те из них, кто умеет видеть в окружающем мире эмпирические референты теорий и подбирать конкретные детали для своих обобщений. «Хорошо выполненный социально-феноменологический анализ, — пишет Либерман, — не занимается поиском иллюстраций к своим понятиям, но оставляет привычки правильного выведения истин и позволяет непосредственным обстоятельствам увлечь себя по их собственному пути. Это и есть истинно

1. Rawls A. W. (2006). Respecifying the study of social order: Garfinkel's transition from theoretical conceptualization to practices in details // *Garfinkel H. Seeng sociologically*. Boulder: Paradigm. P. 13–15.

феноменологический способ исследования» (р. 6). Стремление обобщать и универсализировать, или, другими словами, желание избавить описание события от специфического, конкретного и случайного контекста, в котором только событие и оказывается наблюдаемым и описуемым, уводит исследователя от самого события. В другой своей работе Либерман поясняет эту исследовательскую установку еще более отчетливо и в феноменологическом ключе: социальный исследователь должен сначала внимательно понаблюдать, как изучаемые им люди «настраиваются» на внешние обстоятельства, следует искать именно их обстоятельства, а не собственные обстоятельства исследователя. Профессиональная задача заключается в том, чтобы найти и описать горизонты их опыта, особенно горизонты их понимания, в которых и протекает их деятельность². Такая задача наталкивается на отнюдь не новый, тем не менее до сих пор актуальный вопрос социальной эпистемологии «Как мы можем пробиться к нерациональному?». Ведь наши исследовательские инструменты «заточены» рационально; как сделать их чувствительными к реальной «работе», которую выполняют люди в своей практической, повседневной жизни? Если таким инструментом исследователя является рефлексия, то попытка одновременно выполнять этим инструментом две разные по сути работы — сосредоточенное наблюдение деталей (фиксирование вещей социального порядка, конфигураций феноменального поля) и анализ (теоретические манипуляции с наблюдаемыми вещами) — не может закончиться сколько-нибудь научно значимыми результатами.

Либерман вспоминает введенное У. Джемсом различие «знания предмета» и «знания о предмете», преобразованное Гарфинкелем в различие этнометодологических работ на «этнометодологические исследования феноменов» и «исследования об этнометодологии», последние из которых пытались объяснять этнометодологию, не занимаясь этнометодологией. «Идите в мир и сами найдите там то, о чем мы должны говорить», — в этом напутствии Гарфинкеля Либерман видит руководство к действию, которое и направляло работу, результаты которой собраны в книге.

Пожалуй, самой разработанной сегодня и наиболее близкой Либерману темой является объяснение объективации в формальном рассуждении, которую он изучал долгие двенадцать лет, наблюдая философские споры тибетских монахов (как они превращают свои совместно выработанные правила ведения споров в объективные философские суждения, как философия оказывается воплощенной в организационной работе). В книге эти исследования рассмотрены в главе «Хорография тибетских философских споров». Здесь, как и в исследовании «Локальной упорядоченности пересечения улицы Кинкейд», детально описан процесс организации локального порядка в условиях, когда слова не имеют никакого значения. Феномену объективации посвящено и «классическое», вполне в духе Гарфинкеля исследование, детально описывающее феномен рефлексивности, оно построено

2. *Liberman K. et al.* (2009). *Phenomenology and the social study of information systems: conversations with Kenneth Liberman*. Trento: Università di Trento. P. 23–24.

на результатах изучения студентами «игр-по-правилам» (глава «Рефлексивность правил в играх»). Выводы оказываются не менее «классическими» — правила не столько направляют действия игроков, обеспечивая предсказуемость их действий, но являются, скорее, «ресурсом» для продолжения игры; они имеют смысл лишь как стимул креативности игроков (р. 134).

Образцы феноменологического исследования межкультурной коммуникации представлены в главах «Сообщение смысла» и «Некоторые локальные стратегии для сохранения межкультурных разговоров». Здесь Либерман попытался соединить феноменологию речевой коммуникации М. Мерло-Понти с семиотикой Ф. де Соссюра в одной этнометодологическом контексте.

«Ориентирование по нарисованным картам» — это целый ряд исследований, инициированных еще Гурвичем и обучавших этнометодологии в пространственном измерении. Именно в них более всего проявляется одна из специфических особенностей этнометодологической исследовательской стратегии — ее первейшей задачей и результатом служит описание, отслеживание самого процесса «работы», а не теоретическое объяснение. Такой работой и стали попытки людей сориентироваться по самодельным картам на незнакомой местности, их практические рассуждения в ходе этого ориентирования.

«Феноменология тестирования кофе: уроки практической объективности» — образец этнографического описания практик дегустаторов кофе, в конечном счете ориентированный опять же на прояснения процесса объективации. В другой своей работе Либерман развивает эту мысль со следующими выводами: «Нет ничего объективного, что не подверглось бы интерпретации... существует только субъективная объективность... объективность потребна не только как достижение надежного знания, но и как основание коммуникации... однако всегда и с необходимостью это — субъективная объективность... объективной объективности не существует»³.

На примере дегустаторов видно, что они пытаются узнать о вкусе кофе больше, чем уже знают по своему опыту, и это большее получают в совместном дегустировании и обсуждении (интерпретации вкуса), конкретно — это новые дескрипторы, в которых и находит выражение объективность оценки вкуса. Интереснее всего то, как мы научаем друг друга говорить объективно о таких субъективных вещах, как ощущение вкуса.

Но, пожалуй, феноменологическим апогеем книги является ее заключение «Респецификация гуссерлианской феноменологии как ситуативных исследований мира», в котором Либерман подробно останавливается на отношении этнометодологии к работам Гуссерля. Либерман убежден, что этнометодология способна «помочь философии обнаружить и изучить способы использования разума в освоении мира» (р. 267). А если философы игнорируют открытия этнометодологов и социальных феноменологов, то они, скорее всего, так и останутся лишь под

3. Ibid. P. 13.

впечатлением своего собственного красноречия; радикальный «поворот от наивного объективизма к трансцендентальному субъективизму» оказывается невозможным без практического следования гуссерлианскому требованию обратиться к самим вещам и «схватывать» их собственную форму существования, что и осуществляется в этнометодологических описаниях.

Гарфинкель, однако, рассматривал отношения гуссерлианской феноменологии и этнометологии несколько иначе — как противоположность в подходах к рассмотрению происхождения наук из жизненного мира. В завершающем программную этнометодологическую трилогию труде (запланированном в соавторстве с Либерманом и оставшемся незавершенным) — «Venerable Husserl: the Lebenswelt origins of the sciences. Husserl's documented conjecture» — феноменологический реализм поздней этнометодологии с его акцентированием фактов как «вещей» из социального порядка, феноменов «обыденного бессмертного общества», существующих до и независимо от индивидуального их восприятия, по мысли Гарфинкеля, уже не совмещался с гуссерлианским проектом феноменологии.

Либерману удается найти точку соприкосновения онтологически расходящихся перспектив в методологии — в «честном описании» наблюдаемого, без излишних домыслов и сокращений в угоду теоретическим проектам. В этом он остается верен Гуссерлю и поставленным им вопросам, хотя и не всегда разделяет его ответы на эти вопросы (p. 269).

Хотя Либерман рассматривает здесь многие темы из тех, что были намечены для третьего программного труда по этнометодологии (Гарфинкель называл в этой трилогии «Studies in ethnomethodology» (1967), «Ethnomethodology's program» (2002), «Venerable Husserl: the Lebenswelt origins of the sciences. Husserl's documented conjecture»), книга, выполняя свои дидактические задачи, не претендует на эту роль. Однако и просто учебником или систематическим изложением лекций ее тоже не назовешь. Конечно, «More Studies in Ethnomethodology» можно рекомендовать студентам для знакомства с этнометодологическим исследовательским стилем, но студент при этом должен быть подготовлен в философии и методологии социологического исследования. Более всего это собрание исследований соответствует гарфинкелевскому этнометодологическому проекту, который осуществляется путем пополнения «коллекции» наблюдений за жизнью «бессмертного обыденного общества».